

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

*А
Олл*

САИДЗ

В ОГНЕ

Анастасия Шерр

Анастасия Шерр
Саид 3. В огне
Серия «Хаджиевы», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67113255

SelfPub; 2022

Аннотация

- Почему ты постоянно смотришь в окно?
 - Привычка с детства. Каждую свободную минуту я проводил у окна, надеясь увидеть там мать.
 - И до сих пор её ждёшь?
 - Нет. Теперь я надеюсь увидеть там тебя.
- Содержит нецензурную брань.

Анастасия Шерр

Саид 3. В огне

ГЛАВА 1

– Красотааа. Давно не бывал в таких местах, – довольно, с каким-то садистским удовлетворением потянул носом Молох и повернулся к новому знакомому. – Хороший у тебя клуб. Кровищей воняет, аж шерсть дыбом.

Тот усмехнулся.

– Я знал, что тебе понравится. Сам-то размяться не желаешь? Гляди, какой зверь в октагоне. Такого свалить будет непросто. Ещё ни одного поражения, – собеседник хитро взглянул на Молоха, и тот покачал головой.

– Думаешь, не сваляю? Я на зоне и не таких шатал.

– Этого, думаю, не сможешь. Зона зоной, но у нас всё по-другому. Финки и кастеты запрещены. Только тело.

– Да не вопрос, – Молох завёлся. Дурная привычка, сам знает. – А как парня-то зовут? Хорошо махается, – кивнул на клетку, где татуированный псих уже превращал своего соперника в кусок фарша. Жестоко и быстро. Наносил удары молниеносно, и каждый из них, как хорошая пиздюлина куском арматуры. Кулачищи пудовые, взгляд бешеный, абсолютно неадекватный. Словно ему уже нечего терять... Молох видел таких на зоне. Опасные ребята. Тем и опасные, что

стоп-крана у них уже нет. Такие умудрялись и смуту устраивать, и на ментов кидаться с финкой. За это, конечно, их уничтожали. Как сбесившееся животное... Пулей в лоб. Молоху даже было жаль парней. Он и сам немало в жизни повидал, но так, чтобы стало вдруг всё равно, чтобы самому себя в медвежий капкан загнать... Нет, он не представлял, что должно произойти, чтобы так опустить руки.

– Саид Хаджиев.

– Хаджиев? Хаджиев... – задумчиво повторил Молох и повернулся к знакомому. – Где-то слышал о таком. Или об отце его... Это же те самые Хаджиевы, да?

– Долго же ты был на киче, – покачал головой собеседник.

– Да не мало, – согласился Молох. – Десять лет как-никак. Так что мимо меня таких Хаджиевых проплыло, как говна по реке.

Знакомый отчего-то снова усмехнулся.

– Этот ещё долго продержится на плаву, – мужчина взглянул на зверя в клетке как-то тепло, по-родному.

– Твоя подружка, что ли? – оскалился Молох, на что новый знакомый лишь скривил рот в подобии ухмылки.

– Лучше. Мой брат. А ты поосторожнее с выражениями. Он в последнее время бывает не очень вежлив.

– Так ты что, тоже Хаджиев? – ошарашенно уставился на Варвара, а тот пожал плечами.

– Вроде как, да.

– Ммм... – протянул задумчиво Молох и снова вернул

внимание зверю в октагоне. – Я согласен на бой. Только скажи мне, что случилось с твоим братом?

Варвар перевёл хмурый взгляд на мечущегося в клетке родственника, вздохнул.

– Беда у него случилась. Невеста погибла. А он до сих пор не верит. Вот и сгоняет ярость в боях. Так себе помогает, по себе знаю, но хоть что-то.

Так он и думал. В девяноста процентах случаев всему виной баба. Бабы – зло, если их впустить в сердце и душу, они там корни пустят, и ты, считай, навеки проклят. И хорошо, если угодило влюбиться в какую-нибудь тупую блядь, у которой в голове только шмотьё да ресторанчики. От такой вреда по минимуму. А вот если эта сука ещё и умная... Тогда, считай, всё. Допрыгался фраерок. Сожрёт и не подавится. И плевать ей, насколько стальные у тебя яйца.

– Ясно, – Молох провёл пятернёй по заросшему жёсткой щетиной лицу. – Давай, запусти меня в клеть.

Хаджиев от боя не отказался, но, когда Молох шагнул в октагон, смерил его насмешливым взглядом. Да, тот после кичи заметно поусох, только не в массе сила, и Хаджиев, как профессиональный боец, должен об этом знать.

– Привет, Саид! Говорят, ты тут самый опасный парень? Покажешь, на что способен?

Хаджиев ухмыльнулся окровавленным ртом, внутри что-то неприятно сжалось. Этот мужик вблизи кажется ещё более безумным.

– Уверен, что хочешь этого? – по мокрому от пота торсу вились старые и новые наколки. Уж в чём, в чём, а в «си-ней болезни» Молох разбирался. Хаджиев исписывал себя не просто так. Он, по ходу дела, добавлял по наколке раз в неделю. Чаше нельзя.

– А говорят, ваши тату не любят? – ответил вопросом на вопрос. – Чего забил себя так? Мазохист, что ли?

Наколки Хаджиева были сложными, а значит, болезненными. И все как одна вызывали тревогу. У парня явно с башкой проблемы. Какие-то жуткие черепа, огонь, люди, исчезающие в пламени, с открытым ртом, будто вопят в агонии. В основном женщины. Да. Опять бабы...

– А я не все. Так что, драться будем, или заговорим друг друга до обморока? – Хаджиев, и правда, выглядел скучающе.

– А ты сначала подлататься не хочешь? – бросил ему с насмешкой Молох. Хаджиеву действительно не помешало бы наложить пару скоб на рассечённую бровь. Потом шрам останется уродливый, а то, что шрамы мужика красят – наглая брехня. Его потом бояться все, но явно не любят.

– Тебя загашу и подлатаюсь, – кинул тот, всё ещё на адреналине. Вряд ли он сейчас боль чувствует. Предыдущего противника из ринга вынесли.

Молох закончил с повязками на кистях, шагнул на встречу, и толпа взревела. Но... Чего-то не хватало для полного кайфа. И он даже знал чего. Хаджиев пока только вполсилы

выложился, недюжинный запас энергии при нём. Это плохо. Так он долго не выдохнется.

– Слышал о твоей подружке! Мне очень жаль! – крикнул, стараясь переорать вой толпы, почуявшей кровь. Нихера в этом мире не меняется. Люди всё такие же ублюдочные твари, жадные до зрелищ, жратвы и ебли. – Ты хоть отодрать-то её успел или так целкой и... – договорить он не смог, потому что ухмылка Хаджиева в мгновение ока превратилась в оскал, и пудовый кулачище втопился в челюсть Молоха. Дааа... Это то, чего он так хотел. Раздраконить зверюгу, посмотреть его грани. Довольно забавно. Только больно, пиздец как. Будто моторвагонный состав в морду врезался. А парень неплох.

Шутки закончились со вторым тяжёлым ударом. Веселиться Молоху как-то расхотелось, и он отпрянул назад, дав себе пару секунд передышки. Злой соперник – заведомо проигравший соперник. Так было всегда. Но только не в случае с Хаджиевым. Этот засранец будто из гнева силы черпает. Хотя чего удивляться. Такие, как он, за счёт гнева и живут.

Собравшись, закрыл морду блоком, но пропустил пару незначительных ударов по торсу и пошёл в наступление. Хаджиев же, отхватив по харе, отшатнулся, широко улыбнулся. Наконец-то, достойный противник, а не те соплежуи, что были у него до Молоха. У последнего было учителей хоть отбавляй. Что до зоны, что на ней. Да и на воле много врагов осталось. Некогда клювом щёлкать.

Бой закончился спустя полчаса, когда оба выдохлись и хорошенько поистрепали друг друга. У Хаджиева заплыл глаз, и губы превратились всмятку, а Молоху пришлось попрощаться с парой очередных зубов. Зря капу в рот не сунул. Хотя после десяти лет на киче, хочешь не хочешь, а пойдёшь к стоматологу. Сошлись бы на ничью, но Хаджиев был против. Разгорелся, психопат, не потушить. Пришлось продолжать, хотя уже и не так резво. И последний хук таки проебал. Сверкнуло в глазах, и Молох свалился на татами, а вместе с этим из лёгких выбило весь воздух.

– Хватит тебе или ещё накинуть? – сверху вниз глянул на него Хаджиев.

– Пожалуй, разойдёмся. Я как-то, знаешь ли, не в форме сегодня, – проскрипел, сплёвывая кровь.

– Ещё раз о моей женщине что-то скажешь, я глотку тебе порву, Молох. И насрать мне, кем ты был или есть. Понял? – руки не подал. Впрочем, Молох ещё был в состоянии сам подняться. Да и не привык он, чтобы кто-то помогал. Не ту профессию когда-то выбрал.

Как следует умылся ледяной водой, взглянул на себя в зеркало. Да, красавчик. Не успел на воле очутиться, как уже с размазанной харей. Сплюнул кровавую слюну в белоснежную раковину, толкнул дверь сортира и вышел в зал. На ринге снова кто-то кого-то месил, но Молоха это уже мало интересовало. Пришло время узнать, зачем его прямо от ворот зоны привезли сюда, к Хаджиевым. Конечно, Молох не так

прост, как может показаться со стороны, и прекрасно знал о положении дел в мире. Как и о самих Хаджиевых...

Присел за стол, где его уже ждал бывший противник с такой же размалёванной рожей и его брат. Оба уставились на Молоха испытующе, с насмешкой.

– Ну что, как тебе мой брат? – Варвар окинул взглядом помятого Елисея.

– Так меня за этим сюда твои горные орлы притащили? Чтобы я твоим братом полюбовался? Извини, но я больше по девочкам.

Варвар с улыбкой почесал бороду, Саид же без всяких эмоций продолжал его изучать. Молох заметил, что он и во время боя также пристально смотрел в глаза, будто считывал его будущую реакцию. И, надо признать, почти ни разу не ошибся. Интересно, кто его так выдрессировал?

– Мы познакомиться хотели. Легенды о тебе ходят громкие, – наконец, заговорил младший Хаджиев. – Правду говорят или врут?

– Вы сами обо мне всё знаете, парни. Иначе я бы здесь не сидел. А теперь вопрос: что я здесь делаю? Разве не положено мне, только откинувшемуся с зоны правильному пацану, драть длинноногих красоток в гостинице? – ответил прямым взглядом в глаза.

– Успеешь потрахаться. Дело есть. Говорят, ты можешь выследить кого угодно и в любой ситуации, – Хаджиев поднял стакан с виски, сделал глоток. Поморщился, когда спирт-

ное прижгло раны.

– Ага, вы меня ещё сталкером назовите, – отшутился, но внутри как-то неприятно стало. Только-только на свободу вылез, и опять работа. Он никогда её не искал, так вышло, что она сама нашла его и находила каждый раз, как бы он ни сопротивлялся. Кому-то нужно этим заниматься – так он успокаивал себя до тюрьги. Теперь же мысль была только одна: свалить отсюда подальше и больше не видеться с этими Хаджиевыми. Ни с кем из тех, с кем когда-то имел дела.

– Плевать. Ты можешь найти пропавшего человека или нет? – подался вперёд младший Хаджиев, и в его глазах Молох заметил то, чего уже давно не видел в человеческих взглядах. Надежду.

– Слушай, Саид... Мне, и правда, жаль, что у тебя с женьтибой не заладилось, но я больше этим не промышляю. Профессия чистильщика уже не в почёте. Особенно для тех, кто за это десятку тянул. Так что с мстью не помогу. Извини.

– Если надо будет кого убрать – без тебя разберёмся. Нужно только найти человека, – Саид явно не собирался сдавать назад.

– Или подтвердить, что этот человек погиб, – будто нехотя добавил Варвар, покосился на брата.

– Нет. Найти! – рявкнул на это злобно Саид, и Молох подумал, что между братьями не всё так гладко.

– Почему я? – спросил, махнув свою порцию обжигающе-

го вискаря, выдохнул.

– Многие искали. Ни менты, ни частники, ни даже наши люди не нашли. Нужен такой, как ты, – мрачно заключил Хаджиев. – Если найдёшь её, я буду перед тобой в неоплатном долгу.

Иметь в вечных должниках Хаджиева, пожалуй, будет полезно... Только вот отвратительное ощущение, что его снова засасывает в старое болото не прошло.

ГЛАВА 2

Двумя неделями ранее

– Куда подевался отец? – Марат обошёл первый этаж, осмотрел всё вокруг придиричивым взглядом. Кабинет старшего Хаджиева был пуст уже давно. Там даже пыль накопилась, чего он не наблюдал раньше никогда.

– Передо мной вы не отчитываетесь, – пожала плечами Хаджар, глядя себе под ноги. – А я не лезу не в своё дело. Ты же знаешь, сынок. Отец уехал, велел в кабинет не ходить, даже убираться запретил. А младший либо наверху, как сейчас, – кивнула на второй этаж, – либо где-то пропадает. Потом возвращается уставший... Иногда злится, комнату её крушит. Потом сам всё на места складывает. Жалко мне мальчика... Второй раз такой ужас переживает.

Марат нахмурился, остановился у лестницы. Поднимать-

ся наверх не хотелось. Не потому, что не желал видеть Саида. Просто не мог видеть его в таком состоянии. Помнил себя после потери жены и сына. Он тогда вообще на человека мало был похож. И боль не уйдёт даже с годами. Даже когда появится другая семья, не менее любимая. Боль всё равно останется внутри, как вечный огонь, как напоминание, что нужно любить их ещё больше. Потом появятся паранойя и вечный страх потерять их. Ты превратишься в долбаного психа, помешанного на безопасности и слежке за ними. А потом немного успокоишься. Наверное. Но боль не уйдёт. Она навсегда останется внутри.

Саид сидел на кровати, сложив руки в замок и бездумно пялясь на свадебное платье, что до слепоты белым напоминанием выворачивало душу. Дурная это привычка – изводить себя.

– Что надо? – отозвался глухо и, взяв с тумбочки почти опустевшую бутылку с виски, приложился к горлышку.

– Пришёл увидеть брата, – Марат прошёлся вдоль стены, встал напротив. – А ты всё бухаешь?

– Бухают – это когда напиваются. А у меня даже нажраться не получается.

– Даже если получится – не поможет. Тебе не кажется, что пора принять тот факт, что она...

– Она жива. И мне плевать, что вам там кажется.

– Это нелегко принять, я знаю. Но рано или поздно придётся. И чем дольше ты обманываешься, тем больше будет

потом. Это нельзя отсрочить. Нельзя оттянуть. Поверь мне, брат. Я сам пережил то, о чём сейчас говорю.

– Чего пришёл, Марат? Няньки мне не нужны, – отбросив пустую бутылку в угол комнаты, поморщился от её звона.

– Пришёл, чтобы поговорить.

– Слушаю.

– Вербин сказал, что ты забрал тело девушки. Но если помнишь, у него осталось тело мужчины.

– И?

– Тебе ведь известно, что это он. Радугин.

– Дальше что?

– А то, что твоя Надя была с ним. Соответственно, женское тело принадлежит...

– Не ей. Если ты припёрся, чтобы ебать мне мозги, то лучше сразу проваливай. В ваших с Вербиным умоzakлючениях я не нуждаюсь. Предпочитаю жить своим умом.

Марат шумно выдохнул, прошёлся по комнате. Жутко здесь. Как в склепе каком-то. Платье ещё это...

– Тогда у меня к тебе предложение. Есть один мужик... Молох. Может, слышал о нём? – не дождавшись ответа Саида, продолжил: – Он через неделю с зоны выходит. Говорят, раньше чистильщиком был. Мог достать любого человека хоть из-под земли. Никому не удавалось от него скрыться. Даже сваливших за бугор политиков вылавливал. Если ты приведёшь себя в чувство, я сведу тебя с ним.

– А тебе что от этого? – Саид поднял на Марата уставший

взгляд красных глаз, прищурился.

– Не ищи подвох там, где его нет. Как бы ты ни относился к своей семье, нам ты по-прежнему не чужой. Мне ты брат. Как-нибудь я набью тебе морду за дерзость, но это будет позже. Сейчас я хочу, чтобы мой брат вернулся.

Саид поднялся, и на этот раз поморщился Марат. В расстёгнутой несвежей рубашке с пятнами крови, весь заросший, со сбитыми кулаками, он походил на Варвара, когда тот потерял сына и жену. Влюбился, значит, мелкий. Хм... Забавно. Саид всегда был копией отца, кто бы мог подумать, что он вообще умеет любить. Хотя, если вспомнить историю старика и матери Саида... Наверное, всё же умеют.

– Куда ехать?

– Пока никуда. Его всё равно выпустят только через неделю. А ты приведи себя в порядок и включай мозги. И пообещай мне, если Молох не найдёт твою женщину или докажет, что она погибла – ты перестаёшь себя истязать. Слышишь?

Саид не услышал. Он вообще не слышал ничего и никого, кроме её голоса. И так отчаянно боялся его забыть и больше не услышать, что не пускал в свою голову голоса других.

Сейчас

– В неоплатном долгу, говоришь? – Молох усмехнулся, окинул братьев внимательным взглядом. – Отказаться, я так

понимаю, не могу?

– Не можешь, – всё так же угрюмо произнёс Саид. – Поверь, лучше иметь меня в должниках, чем во врагах.

Что ж, ни разу не тонкий намёк был понят и принят. Молох молча кивнул, поднял свой бокал с виски.

– Тогда с вас гостиничный номер с хорошим баром и парашлюх. И неделя мне на отдохнуть.

– Три дня, – буркнул Саид, толкая бутылку с виски в направлении Молоха. Та заскользила по столу и остановилась, перехваченная рукой Елисея.

– Договорились.

У него снова появилась надежда. Почти утерянная, исковерканная, изуродованная, кровоточащая и хромая. Но она всё ещё жила, а он всё ещё ходил на пепелище. Золы практически не осталось, ветром всё разнесло. А он продолжал там сидеть и смотреть на горизонт. Не радовал ни закат, ни рассвет, который он встречал там же. Он просто смотрел вдаль и думал, что, наверное, сошёл с ума, а все, кто твердит о её гибели, правы. Нет её больше. А он не привык проигрывать, вот и не сдаётся. Но какой в этом смысл? Как долго он ещё сможет сопротивляться? Даже её родители поверили. Они приняли её гибель, а Саид вот никак не может. Не под силу ему.

Несколько раз порывался достать то тело из земли и отдать его Вербину на экспертизу. Но тут же отменял приказ и снова возвращался домой. Если вдруг окажется, что там

она... Что это её тело он похоронил в безымянной могиле, тогда точно задохнётся. Сдохнет, как пёс на этом проклятом пепелище.

– Три дня, а потом ты найдёшь её мне.

– И как оно на зоне?

Молох поставил на стол пустой стакан, пожал плечами.

– Как в тюрьме. А что, не бывал?

– Пронесло как-то, – Саид всё ещё помнил о записи, которая транслировалась из тачки Шевцова. Скорее всего, теперь она у Шевцова-старшего. Но тот всё ещё надеется вернуть своего ублюдочного сынка и разобраться с Хаджиевым без участия закона, а потому не пускает её в ход. Зря. С записью ведь может что-то случиться. Как случилось с его сынком.

– Повезло, что пронесло. Там немного грустно, – в своей саркастичной манере отозвался Молох.

– Но ты же выжил. Целых десять лет. Это срок.

Молох поднял на него задумчивый взгляд, в котором Саид уловил кое-что ещё. И он точно знал, как это называется. Гнев. Тот самый, которым живёт и сам.

– Мысль о мести помогла, – подтвердил его догадки Молох.

– Кого надо грохнуть?

Елисей покачал головой, слабо и как-то безрадостно усмехнулся.

– Э, нет. Это моя месть.

– Ты же говорил, не хочешь больше убивать.

– Не хочу. Это будет последнее убийство в моей жизни.

– А что потом? – Саид и сам бы хотел знать, что бывает потом. Но боялся представить это «потом». Потому что в нём может не быть её... Той, с кем хотел бы это «потом» провести. А потому отчаянно боялся его.

– А потом... А потом всё. Потому что без неё я жить уже не смогу, – задумчиво пробормотал Молох и опустошил, наверное, десятый по счёту стакан.

– Без неё? Без мести?

Молох поднял на него взгляд, и стало всё ясно даже без слов. Он не о мести. Он о женщине.

– Без той, которая меня предала. Это из-за бабы я десятку тянул.

Жестоко. Для такого, как Молох, вдвойне. Обычно люди, вроде него, не верят никому и никогда. А если кого-то пускают в своё сердце, то это навсегда. В общем, всё, как у Саида. Только Надя его не предавала. Её у него забрали.

ГЛАВА 3

Я подошла к окну, осторожно выглянула наружу и вздрогнула, когда за спиной слышались негромкие шаги.

– Я же говорил, не открывать шторы. Какое из этих трёх слов тебе непонятно?

– Прости, – отшатнулась назад, затыкая тяжёлой шторой просвет. – Я просто по солнцу скучаю.

– Твоя любовь к солнцу может стоить мне жизни. А я не собираюсь подыхать, потому что какой-то бабе захотелось погреться. Обогреватель вон там, – указал на калорифер у кровати, куда я сама его и поставила.

– Мне кажется, ты слишком осторожничаешь. Нас уже давно никто не ищет. По крайней мере, так, как искали раньше.

Мужчина скривил губы в подобии ухмылки.

– Значит, ты не знаешь моего брата, раз так думаешь. Есть хочешь?

Я кивнула, облизнув потрескавшиеся от недостатка витаминов и отсутствия косметических средств губы.

– Садись, – он плюхнулся за столик, кивнул на стул напротив. Подвинул мне пакет с едой. – Разложи.

– Долго мы ещё здесь пробудем? – я достала контейнеры с мясом и овощами, открыла упаковку с хлебом.

– Посмотрим.

– Так долго на одном месте мы ещё не задерживались.

– Пока тихо всё. Видать, тебя и вправду уже не ищут, – уставился на меня испытующе. Ждёт реакции. Я уже не раз замечала, что ему интересны человеческие эмоции. Наверное, оттого что сам их не испытывает.

Но я уже научилась не показывать свои чувства. Жаль, я всё ещё их ощущаю...

– Что ж, это, наверное, хорошо.

– Но ты не испытываешь по этому поводу радости, ведь так? – не знаю, угадал он, или я пока плохо скрываю свои эмоции. Как бы там ни было, он прав.

– Не испытываю.

– Почему?

Я пожимаю плечами, попросту игнорируя его вопрос.

– Есть хочется, – ставлю на стол тарелки и приборы.

– Ты его любишь, – заключает он и принимается за еду.

– Я не знаю, – вру, потому что мне сложно признаться в этом даже себе. Мне вообще сложно что-либо объяснить.

– Как оно? Любить?

– Любить? – поднимаю на него потерянный взгляд. – Ну-уу... Это сложно пояснить словами. Это нужно чувствовать.

– Ясно.

– Ну ты ведь любил хоть кого-нибудь? Маму, отца, может? На худой конец собаку, кошку, хомячка. Хотя бы чувствовал привязанность?

Он поднимает на меня равнодушный взгляд.

– Нет.

– Совсем никого?

– Нет.

Как же всё сложно.

– Ну... Девочки тебе нравились в юности? Всем мальчишкам нравятся девочки.

Он поднимает на меня глаза, я смотрю в них и понимаю:

он не был мальчишкой. С таким диагнозом не испытывают даже обычных детских радостей.

– Нет.

– А что ты любил: есть или одевать? Конфеты, может? Все дети любят конфеты.

– Мне было всё равно.

– Да... Это грустно, наверное. Ничего не чувствовать.

– Я чувствую гнев и злобу. Иногда возникает желание кого-то убить. Это же тоже чувства.

Я едва не давлюсь куском мяса, прокашливаюсь.

– Ну, вообще, да. Это тоже чувства. Только они больше животным подходят. Извини, – опускаю взгляд в свою тарелку, а он невозмутимо продолжает жевать свой стейк.

– Люди хуже животных. Это факт, который даже доказывать не нужно. Я не прав?

– Нет, ты во многом прав. Но помимо гнева и желания убивать люди чувствуют ещё много всего... К примеру, радость. Любовь. Огорчение. Желание поплакать или посмеяться. Одиночество, страх.

– А что хорошего в чувстве страха? Одиночество... Одиночество мне нравится. А радость и любовь – это для девок. Я же не девка.

Хмыкаю. Здоровенный нерусский бугай с акцентом, с бородой и шрамом, рассекающим лоб и весь левый висок. Со всем на девку не похож.

– Что?

– Ты ошибаешься, если думаешь, что любить могут только женщины. Мужчины тоже любят. И иногда даже сильнее, чем женщины. А страх, он не из приятных чувств, да. Но все вместе эти эмоции и делают нас людьми. Делают нас живыми, понимаешь?

Он не понимает. Он пытается, я вижу. Но не понимает, потому что никогда этого не чувствовал.

– Животные тоже боятся. Все боятся. Кроме меня, – додает последний кусок стейка и откидывается на спинку стула.

– Да. Кроме тебя, – соглашаюсь. – Но ведь и у тебя есть чувство самосохранения. Это уже хорошо, – не знаю, кого пытаюсь этим обмануть: его или себя?

– Ага. Хорошо. Хорошо, что я не совсем дерево, – смеётся, смеюсь и я.

– А что насчёт женщин? Пусть ты лишён многих чувств, но ведь испытываешь сексуальное влечение?

– Разумеется. Я же не импотент.

– И как это всё происходит? То есть тебе же хорошо с женщиной? Каких ты предпочитаешь? Высоких, маленьких, блондинок, брюнеток? Полненьких или худышек?

Он пожимает плечами.

– Тех, с которыми можно кончить. Мне всё равно, как она выглядит. Лишь бы член на неё встал.

– Понятно, – отодвигаю тарелку с недоеденным стейком, проглатываю подступивший к горлу ком.

– Что, всё ещё плохо? – он, конечно же, не от волнения за моё здоровье интересуется. Ему просто не хочется снова тащить меня на себе, когда придёт время менять квартиру.

– Нет... Наверное, простыла немного. До завтра отлежусь.

– Учти, если придётся сваливать, а ты будешь в коматозе – я тебя брошу, – предупреждает он честно.

– Со мной всё нормально.

– Тогда я пошёл. Вечером принесу поесть.

Я наблюдаю, как грома поднимается, одной рукой убивает с дороги стул.

– До вечера, Шамиль.

Убрав со стола, залезаю на кровать с ногами и открываю книгу. Строчки уже не расплываются от слёз, но я с трудом понимаю, о чём читаю.

Сломлена. Уничтожена.словно в огне том сожжена.словно мне перебили позвоночник и оставили там, в том жутком, тёмном доме. И вроде как радоваться должна, что вырвалась, но не получается. Кажется, я вообще разучилась радоваться и улыбаться.

Прошло несколько месяцев после гибели Славы, а я до сих не могу собрать себя по кусочкам. Будто меня, как какую-нибудь вазу, разбили на мелкие осколки, так, что не склеить.

Я завидую Шамилю. Тому, как он может наплевать на всё вокруг и не думать о тех, кто предал, или о тех, кого предал он. Ему не больно оттого, что семья отказалась от него. Ему не больно оттого, что он натворил в прошлом. Ему вообще

не больно.

ГЛАВА 4

– Можно я останусь? – руки с красным, словно кровь, маникюром легли на его плечи, и Саида передёрнуло от этого прикосновения.

– Нет.

– Почему? Я могла бы вам помочь... – прошептала девушка, склонившись к его уху.

– Я не люблю, когда кто-то стоит за моей спиной. Выходи оттуда.

Её ладони соскользнули с его плеч, прошлись по рукам с закатанными рукавами рубашки.

– У вас красивые тату...

Тату... Дура тупая. Тату у девочек на жопе, а у него шрамы. Шрамы, которые никогда не зарастут. Болью он напоминает себе, что всё ещё дышит.

– Тебя как зовут?

– Вероника, – протянула обиженно девка.

– Слушай, Вероника, у тебя какая задача? Чем ты здесь занимаешься?

– Я ваш секретарь, – вконец растерялась. Хотя, скорее, делает вид, строит из себя тупицу.

– Тогда что ты здесь делаешь? – взглянул на неё устало.

– Кофе вам принесла, – виляя задом, обтянутым атласной

тканью, прошла вперёд, встала перед ним в позу, рекламируя товар лицом.

– Принесла. Что ещё?

– Хочу помочь вам расслабиться. Вы в последнее время...

– То, какой я в последнее время, тебя не должно ебать, Вероника. А теперь пошла отсюда, пока я тебя не вышвырнул из окна одиннадцатого этажа. Или в бордель отправлю, там тебе самое место, похоже. У меня есть парочка стриптиз-клубов, там высокопрофессиональные шлюхи работают. Работёнка прибыльная. Хочешь?

Девушка сложила пухлые губы трубочкой и повиляла накачанным задом к двери.

– Позовите меня, если захотите кофе, поесть или минет. Я всегда к вашим услугам, Саид Саидович, – наглая шалава даже не обиделась, не испугалась. И где только отец таких берёт?

Вспомнив об отце, снова набрал его телефон, но в динамике опять зазвучали лишь длинные, монотонные гудки. Куда он делся? Почему оставил всю свою охрану и не отвечает на звонки? Может, отследить?

Хотя Саид знал: если отец не захочет, найти его не получится. А может, и не стоит? Может, он с бабой где-нибудь отдыхает?

– Стойте! Стойте! Вы куда? Подождите! Саид Саидович занят! – из приёмной послышался вопль секретарши, и Саид поморщился. Похоже, тишины здесь он не дожждётся.

– Отойди с дороги, – послышалось презрительное, а Саид, узнав голос, выругался.

Хадия вошла в кабинет, захлопнула дверь перед носом охреневшей Вероники и сделала несколько неуверенных шагов. Пронеслась взглядом по кабинету, остановилась на нём.

– Здравствуй, – поднялся, вздыхая. Отодвинул для неё стул. – Рад видеть, – ложь, разумеется, но вежливость ещё никто не отменял.

– Здравствуй, сынок. Объяснишь мне, что происходит? – она тут же обуздала эмоции, снова надела маску ледяной сукки. И как этой женщине удаётся так хорошо скрывать свои эмоции? Отец, что ли, научил? Или брак с ним – человеком, который никогда её не любил?

– А что происходит? Чай, кофе?

Мачеха отрицательно мотнула головой, дождалась, пока он вернётся к своему креслу.

– А ты не знаешь разве? Где твой отец, Саид?

– Честно говоря, понятия не имею, – вот это уже правда. – Я не видел его несколько месяцев. А что?

– Вы говорили с ним?

– Нет. А что? – спросил уже с нажимом, а Хадия закрыла глаза, словно от боли, покачала головой.

– Мне бы тоже хотелось знать, что. Его нет уже столько времени, на звонки не отвечает, не перезванивает. Охрана здесь, и никто не знает, куда он подался. Я волнуюсь.

Она лжёт. Хадия не волнуется за отца, потому что все пре-

красно знают: Саида-старшего убить весьма и весьма трудно. И если он исчез, значит, сам того захотел. А переживает она отнюдь не за его здоровье. Хадия чувствует, что у старика завелась очередная любовница. Вот и прибежала искать.

– Не стоит переживать. Он, скорее всего, уехал куда-нибудь за границу, – трахать свою новую бабу где-нибудь на островах. – По делам. Скоро вернётся.

– Так ты что-нибудь знаешь? – прищурилась, подавшись вперёд. Это Хадия от отца переняла эту привычку. Правда, у Хаджиева-старшего получается куда органичнее. Взгляд ма-чехи заставил только мысленно усмехнуться.

– Сказал же, нет. Он не отвечает и на мои звонки. Занят, наверное.

– А ты как? – она вдруг потянулась к его руке, накрыла её своей ладонью. Какого лешего сегодня все хотят его потрогать? Вот нахрена? Руку не отдёрнул, но пропустил по телу неприятную дрожь.

– Нормально я. Работаю.

– О Наде ничего неизвестно? Хотя бы какая-нибудь зацепка? – от её имени, прозвучавшем из чужих уст, стало больно в районе лопаток. Каменной тяжестью вновь навалилась апатия.

– Нет. Ничего.

– Мне так жаль, сынок, что ты снова переживаешь этот ужас. Поверь, мне самой очень больно оттого, как ты мучаешься сейчас. Никто не заслуживает такого...

– Да. Никто, – ответил кратко, отчаянно желая завершить этот бесполезный трép. На исходе третий день. Пора звонить Молоху, дать ему пинка, чтобы начал, наконец, работать. Зачем он вообще дал ему эти три дня? Хотя... Больше ждал. И если Молох откажется, то ему, Саиду, останется только поджечь свои надежды на том проклятом пепелище.

– Ну что ж... Я сегодня звонила Хаджар, она сказала, ты совсем один остался. Я решила вернуться в дом твоего отца. Хочу, чтобы в такой сложный период мы были вместе. Тебе не нужно сейчас оставаться одному. Как ты на это смотришь?

Запретить мачехе он, конечно, не может. Хотя и особой радости от этой новости не испытал. Впрочем, насрать. Он всё равно будет занят поисками, не сможет ведь усидеть на месте.

– Возвращайся. А сейчас извини, мне нужно работать, – мягко намекнул Хадии, что той пора, и она не стала сопротивляться. Не с пустыми руками уходит ведь.

– Хорошо, сынок, я пойду. А ты возвращайся к ужину домой, сегодня я сама что-нибудь приготовлю для нас, – приблизившись, чмокнула его в лоб, потрепала за волосы. Саид снова сжал челюсти до хруста.

А когда за Хадией закрылась дверь, взял в руку телефон.

– Три дня истекают в полночь. Я жду тебя в своём офисе, записывай адрес.

ГЛАВА 5

– Приятного аппетита, – улыбаюсь Шамилю, а тот, глядя мне в глаза, как на нечто недвижимое, медленно пережёвывает салат. – У нас сегодня много овощей. Спасибо.

– Не хочу, чтобы ты откинулась.

– И за это спасибо, – хотя я знаю, что по большому счёту ему плевать. Просто мы друг другу удобны сейчас. А когда я стану приносить больше хлопот, чем пользы, он просто избавится от меня.

– Там ещё курица для тебя.

– Тебя долго не было, – с наслаждением кладу в рот лист «айсберга», и скулы сводит от удовольствия. Жить в заточении, оказывается, не так чудесно, как мне казалось ранее.

– Дела были. После того, как клан бросил меня, приходится искать себе работу, чтобы от голода не опухнуть. И тебя вот кормить надо, – тут он, конечно, лукавит. Не заметила, чтобы у Шамиля были проблемы с деньгами. Хотя бы квартиры, которые он снимает на целый месяц, а уходим мы через неделю-две. Да и далеко не курятники снимает.

– Не нужно мне напоминать, что я тебе должна. Я и так помню.

– Как ты себя чувствуешь? Ребёнок моего брата все силы из тебя вытянул. Похожа на мумию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.